

КРАСКА И КИСТЬ

Среди лауреатов государственной премии прошлого года Олег Табаков, актер яркий и запоминающийся, ставший необыкновенно популярным и на театральной сцене, и на экране.

Что еще замечательно в сегодняшнем Олеге Табакове — он сохраняет самоиронию. В его положении — не так и просто ее сохранить. Актеры вообще легко ранимы. И знаменитые (особенно в возрасте Табакова) ему пошел тридцать третий год) — тем более. Правда, не редкость в артистическом мире — горькая самоирония неудачников, за которой слышен шорох невидимых слез. Но у Табакова, конечно же, другое — у него это скорее от достаточной уверенности в себе, от стиля поведения, найденного постепенно, но и не слишком постепенно — за десять лет его очень удачливой работы в московском театре «Современник».

История «Современника» — и его, Табакова, история. (Хотя он снимался и много снимался, и успешно снимался в кино).

В других театрах Табаков не работал. Похоже, и не собирается. Ему хорошо в «Современнике». И хорошо — заслуженно.

Олег Ефремов, главный режиссер «Современника», оценивая актера положительно, обычно говорит: нужная театру краска. Исходя из такого принципа, про Табакова можно сказать — необходимая. Однако непременно добавить к этому, что и ге-

атр, где он работает, — именно та кисть, которая может максимально использовать предложенную талантом Табакова краску. Очевидно, и в ином, и в другом театре Олег Табаков был бы и ведущим, и популярным артистом. А не таким — то есть не менее знаменитым и главным, но в более традиционном, в более узко-профессиональном измерении и смысле.

Поэтому история «Современника» — и его личная, своя, история. Судьба.

В конце прошлого года артисту Олегу Табакову присудили Государственную премию СССР за участие в спектакле «Обыкновенная история».

— Ты рад? — спросил его знакомый журналист сразу после известия о присуждении. Табаков пожал плечами: «Давно пора».

Нет, он не играет в скромность. Он таким же был и десять лет назад, когда любил говорить: «На моих часах, подаренных мне Всесоюзным театральным обществом...». (Театральное общество наградило его за исполнение роли студента Трофимова в дипломном спектакле студии МХАТ «Вишневый сад» по пьесе Чехова).

Он играет не в скромность, он играет в большинстве случаев ненаписанную никем роль: полумаску некоего поверхностного, легковесного, преуспевающего и потому довольного донельзя собой

артиста из какого-то модного и не слишком серьезного театра. И при том слегка, ненавязчиво, полустрихом, полукивком в сторону посвященных, полунамеком оттеняет свое истинное отношение к подобным благополучно-недалеким коллегам, (носит очки при близорукости минус два, не более), всегда с элегантной папкой прилежного клерка (вид подчеркнуто небогатый).

Тем не менее — кто же больше, чем он, артист на все двадцать четыре часа в сутки? Мало кто так способен, как он, не уставать от профессии. Он умеет и оперного тенора спародировать, и выступить чуть позже на представительной конференции театральных деятелей в столь менторском ключе, что всеми уважаемая старая актриса воскликнет: смотрите, у него презрительный рот...

Он из тех артистов, которых журналисты просто боготворят. Табаков может и рассказать о себе подробно, и высказаться оригинально, о смысле актерской профессии и дискутировать на равных с театральным критиком о проблемах современной драматургии, и пошутить ровно столько, сколько нужно. Табаков пишет статьи о нем издана солидная монография (в ней он официально называется выдающимся актером), его рассуждения охотно цитируются в толстых и тонких журналах.

Но Табаков не теряет самообладания. Табаков сохра-

няет самоиронию. Табаков не забывает: он актер — прежде всего интересен как актер. Он с удовольствием играет в голубую звезду положительного персонажа, он легко меняет маски. Но все это — упражнение, тренинг, пробы, забавные черновики, отходы от ролей или заходы к роли.

Актер с головы до ног, актер всеми клетками. Актер, не выводящий себя из магнитного поля жизненных ситуаций — неважно: уже схваченных драматургией или еще не схваченных. В этом вот непрерывном желании примерить, преломить в своей пластике моментальные выражения, даже гримасы бегущего толпой пешехода дня, Табакова (по природе ощущения) можно в чем-то — пусть и не буквально — сравнить с великим психологом трансформации Аркадием Райкиным. Во всяком случае есть определенная закономерность, что в пьесе Василия Ансенова «Всегда в продаже» Табаков, а никто иной, играет гротесковую женскую роль продавщицы Клавдии Ивановны и в развитии спектакля трижды трансформирует ее в аналогичные по сути, но несколько не похожие один на другого мужские варианты образа.

(Окончание на 4-й стр.).

«ОРЛОВСКАЯ ПРАВДА»

3 стр., 30 января 1968 г.

КРАСКА И КИСТЬ

(Окончание):

Больше десяти лет назад, когда «Современник» начался, когда не было у него помещения и самостоятельной финансовой основы, и первые спектакли репетировались основателями по ночам, и люди бледнели от бессонниц. Олег Табаков казался действующим лицом рекламного проспекта — свежий, бодрый, нарядный и молодой. Он и действительно был тогда самым молодым. И, кроме того, острее остальных испытывал тогда радости артистической жизни. Он тогда заканчивал школу при МХАТ, и профессора — корифеи из прославленного театра — обнадеживали его, предсказывали будущее. Он участвовал в создании нового театра. Он снялся в центральной роли в кино и знал, что будет сниматься еще. Замечу в скобках, что в кино он снимался еще и еще, и снимается, и будет... Почти каждый год — большие роли:

«Саша вступает в жизнь», «Люди на мосту», «Накануне», «Шумный день», «Испытательный срок», «Чистое небо», «Молодо-зелено», «Живые и мертвые», «Строится мост», «Война и мир» — Николай Ростов. Он стал одним из наиболее любимых в стране киноактеров. Стал, впрочем, так пока и не сыграв почти ничего в ту силу, на какую способен. Кино чаще нужна оказывалась его внешность. Театру же Табаков требовался целиком, со всеми достоинствами и слабостями, без остатка.

Однако в том самом начале внешности Табакова, эффект его данных, безошибочность действия его артистического шарма были и «Современником» использованы впрямую.

Так вышло — «Современник» не смог в первом спектакле показать ансамбль своих лучших сил. Табаков — первый (за исключением, пожалуй, известного по работам в другом театре Ефремова), кого оценила и полюбила Москва в премьеры «Современника». Новый театр открылся пьесой Виктора Розова «В поисках радости». «Поисками», по существу, завершался ранний этап поисков драматургом Розовым характера юности пятидесятых годов, стоящего перед выбором жизненного пути. Табаков сыграл главную роль смело и броско и сразу обратил на себя благо-

желательное внимание критики. Его выделили среди молодых актеров Москвы, с честью дебютировавших в тот сезон. Успех Олега Табакова — был первым козырем «Современника». Первым номером прошел Табаков и в премьеры следующего сезона — «Продолжение легенды». Он играл роль, почти повторяющую предыдущую, но не повторился. И критика заговорила об открытии Табаковым характера молодого современника. И ведущее положение артиста в театре подтвердилось и укрепилось. Но строгие специалисты не торопились делать на Табакова серьезные ставки, хотя о нем весьма похвально отзывались авторитетные в театральном деле люди: Алексей Попов, Николай Охлопков. Специалисты не доверяли легкости побед, указывали на стечение счастливых обстоятельств. Резонно указывали на то, что из-за бедности репертуара не показали себя в полном блеске характерные актеры театра и что любовное использование великолепной фактуры Табакова ни о каких серьезных намерениях режиссуры не говорит.

Да, те, кто сомневался, во многом оказались правы. Последующие спектакли раскрыли огромные возможности Евстигнеева и Толмачева, Волчек и Сергачева, Кваша и Дорожиной, а также и других. Не Табаковым единым... Но и Табаковым — непременно Табаковым, едва ли не во всех значительных работах театра. Да, последующие спектакли показали, что в театре есть талантливые люди и помимо Табакова, но они же и показали дополнительные художественные мощности Олега Табакова.

«Голый король», например. Ряд актеров играет в нем первоклассно. Табаков играет две сравнительно небольшие по объему роли. Пьяного дирижера — очень остро, очень смешно, очень грустно: человек искусства, потерявший себя в житейских невзгодах, но сохранивший иронию и к себе, и к тем, кто унижает его и его искусство. Какая-то лирическая карикатура. И в том же спектакле — повар. В сходной ситуации. Вариация той же темы — индивидуальность вынуждена просить прощения у стандарта. И отдаляясь от буквальности видимой аналогии, Табаков не-

ожиданно подходит к философии темы вплотную — расщепляет карикатуру, превращает ее в мультипликацию оттенков, оборачивает преувеличение конкретностью. Алексей Баталов после спектакля сказал про роль повара: «Лучше не сыграешь. И не надо — лучше».

Роман Ивана Гончарова «Обыкновенная история», написанный более столетия назад, инсценировал Виктор Розов. «Современник» впервые в своей истории обращался к русской классике. И обращался не ради экскурса в прошедшую эпоху.

Здесь трудно формулировать со всей определенностью — исследуемый процесс не завершен. Очевидно одно — первый вечер на сцене «Современника», вечер, когда аплодировали драматургу Розову, аплодировали Табакову, — не ушел в небытие, в экспозицию фотографий десятилетней давности. Эскиз того, давнего (по театральным понятиям) спектакля кажется сегодня трогательным, но, разумеется, и наивным. Ничего страшного — для того и пробы, чтобы увидеть перспективу, прикинуть расстояние до цели. Меткому выстрелу обязательно предшествует верность взгляда.

Роль Александра Адуева в «Обыкновенной истории» играет Олег Табаков. Опять хвалят Табакова, опять выделяют Табакова. Опять, как и тогда, в начале. Олег Табаков прикрепляет к лацкану пиджака лауреатский значок. И никто из строгих специалистов не удивляется — правильно, заслужил. Никто не удивляется...

А конфликт? Что не удавалось Олегу Табакову? Все удавалось? Ах, так? Ну раз нет конфликта — и не надо. Счастливая судьба. Счастливые судьбы в искусстве похожи, в общем, друг на друга. Кисть находит краску, краска раскрывает свой цвет кисти — до чего просто.

Ему легко живется, Табакову. Вот только за каждый спектакль «Обыкновенная история» он теряет в весе полтора килограмма (а впечатления человека толстого он не производит). И еще инфаркт перенес (а человек он, говорят, соблюдающий режим, излишеств избегающий). Интересно, отчего?

А в остальном — все понятно и просто.

Александр НИЛИН.
(АПН).